

Научная статья

УДК 316:37

ББК 60.561.9

В 62

DOI: 10.53598 / 2410-3691-2021-3-284-44-53

КОНСТРУИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

(Рецензирована)

Константин Викторович Воденко¹

Елена Владимировна Сусименко²

Евгений Евгеньевич Некрасов³

¹²³Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

¹vodenkok@mail.ru

²lesusima@yandex.ru

³izbirpravo@gmail.com

Аннотация. Представленная статья реализует попытку авторов осмыслить на основе деятельностно-активистского подхода конструирование будущего в образовательных стратегиях российской молодежи. На базе концептуального социально-эмпирического анализа авторы статьи приходят к выводу о том, что большинство молодых россиян разделяют позиции адаптивности, актуализма в качестве выбора образовательной стратегии. Это определяется факторами объективного и субъективного характера, где объективизация социальных условий выступает влияющей на субъективный выбор молодежи. Отмечая значимость социальной и территориальной дифференциации, авторы статьи обосновывают положение о конструировании будущего, о формировании образов жизни и набора жизненных целей российской молодежи как возможности ухода от ограниченности прагматического поворота в образовании. В качестве заключительного суждения определяется взаимосвязь между ориентацией на квалифицированную деятельность и конфигурацию ответов на изменения в образовательной системе. Делается вывод о том, что в отечественной социально-гуманитарной науке назрела необходимость осмысления образовательных стратегий российской молодежи как способности российской молодежи конструировать образ будущего с учетом нарастания влияния социальных инноваций.

Ключевые слова: молодежь, сфера образования, актуализм, конструирование будущего, образовательные стратегии, сценарное мышление.

Для цитирования: Воденко К.В., Сусименко Е.В., Некрасов Е.Е. Конструирование будущего в образовательных стратегиях российской молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция,

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления Индустрии 4.0»

Original Research Paper

DESIGNING THE FUTURE IN EDUCATIONAL STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH²

Konstantin V. Vodenko¹

Elena V. Susimenko²

Evgeny E. Nekrasov³

¹²³ M.I. Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russia

¹vodenkok@mail.ru

²lesusima@yandex.ru

³izbirpravo@gmail.com

Abstract. The presented paper implements the authors' attempt to understand, on the basis of an activist approach, the design of the future in the educational strategies of Russian youth. Based on a conceptual socio-empirical analysis, the authors of the publication conclude that most young Russians share the positions of adaptability, actualism as a choice of educational strategy. This is determined by factors of an objective and subjective nature, where the objectification of social conditions acts as an influence on the subjective choice of youth. Noting the importance of social and territorial differentiation, the authors of the paper substantiate the provision on the design of the future, on the formation of lifestyles and a set of life goals of Russian youth as an opportunity to escape the limited pragmatic turn in education. As a final judgment, the relationship between the orientation to skilled activities and the configuration of responses to changes in the educational system is determined. It is concluded that in domestic social science and humanities there is a need to understand the educational strategies of Russian youth as the ability of Russian youth to design the image of the future, taking into account the growing influence of social innovations.

Keywords: youth, education, actualism, design of the future, educational strategies, scenario thinking.

For citation: Vodenko K.V., Susimenko E.V., Nekrasov E.E. Designing the future in educational strategies of Russian youth // Bulletin of Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies". 2021. No. 3 (284). P. 44 – 53. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2021-3-284-44-53

Актуальность темы. Молодежь по классической социологической характеристике является группой социального воспроизводства. Согласно концепции социального развития молодежи, ее статус в

общественных отношениях определяется тем, что общество ожидает от молодежи и какие запросы молодежи могут быть удовлетворены обществом. Другими словами, вне социального взросления молодежи,

² The article was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-2582.2020.6) on the topic "State policy in the field of higher education and the development of the innovative potential of youth: economic and non-economic determinants and mechanisms in the context of regionalization of social space and the formation of Industry 4.0"

вступления ее в межпоколенческий диалог трудно говорить о непрерывности общественного развития, условиях упорядоченности и стабильности общественных отношений. В той же степени данное замечание относится не только к настоящему, к ситуации «здесь и сейчас», но и к будущему, вероятному сценарию социальных событий в долгосрочном измерении. Сейчас футурология как наука о будущем вышла из «моды», исследователи характеризуют состояния человечества различными категориями: глобализируемый мир, поздний модерн, постмодерн, общество социальной неопределенности, общество риска, общество социального постмодерна. Важно отметить основное смыслообразующее в разнообразии указанных определений.

На наш взгляд, концептуальная проблема, имеющая социально-практические последствия для молодежи как группы социального воспроизводства, состоит в том, что анализ представленного категориального аппарата свидетельствует об определенной «растерянности», понимании недостаточности или узости сложившихся взглядов на молодежь в системе общественных отношений. Действительно, когда речь заходит о трех постсоветских поколениях российской молодежи (для нас приоритетным является не постижение судеб молодежи в глобализируемом мире, а социальный мир молодых россиян), актуальным становится обращение к социологическому исследованию путей социального взросления в российском обществе.

Полагая, что хотя молодые россияне и являются группой с сужающимся социально-демографическим потенциалом, роль молодежи в социальном воспроизводстве остается не только неизменной, но несоизмеримой с предшествующим этапом развития, поскольку современное российское общество, несмотря на трудности переходного периода, достигло невозврата к прошлому, и в

этом смысле позиции молодежи в устойчивом социальном развитии являются несомненными [1]. Во-первых, по сравнению с молодежью советской эпохи, молодые россияне социализируются в принципиально новой социальной ситуации. Им, по сравнению со старшими поколениями, не приходится переходить на позиции вынужденной адаптации, приспособления к обстоятельствам и условиям, которые означают расставание и девальвацию не только фундаментальных социальных ценностей, но и определенную ломку сложившегося жизненного уклада – молодежь адаптируется к изменениям добровольно. Другое дело, что в настоящий момент трудно говорить о «реформаторском» настроении большинства россиян.

Рыночная эйфория ранней постсоветской эпохи уступила место логике здравого смысла, основанной на ожиданиях, которые связаны не с «высокими материями», а с оценкой реальных субъективных шансов добиться конкретных результатов в профессиональной сфере, семейной жизни, социальной самореализации. Таким образом, российская социология призвана изучать российскую молодежь «такой, какая она есть», поскольку новая социальная реальность определяется повседневными практиками. И точкой отсчета можно считать анализ образовательной деятельности молодежи, так как образовательные стратегии молодежи, способы реализации целей в социально-профессиональной сфере являются наиболее критериальными в социальной характеристике российской молодежи. Обращение к данной проблеме является основным и наиболее надежным ориентиром в получении социально-эмпирического материала о настоящем и будущем российской молодежи.

В этом смысле необходимо избавиться от социологического актуализма, то есть ограничения исследования проблем молодежи в сложившейся ситуации. Так как

российская молодежь содержит высокий потенциал социального оптимизма, по сравнению со старшими поколениями (это вполне объяснимо в силу того, что молодому поколению всегда предстоит реализовать жизненные планы, включившись в систему социальных отношений), принципиальный исследовательский момент выражается в том, что для молодых россиян, вступивших в жизнь при новом обществе и новом социальном порядке, сфера образования обретает несколько иной смысл, по сравнению с социальным опытом старших поколений, так как они утверждают себя в условиях российского рынка, изменений молодежной политики государства, расширения возможностей для социального и профессионального роста.

Чтобы не удовлетворяться общими рассуждениями, может быть, и имеющими социально-полезный смысл, требуется перейти к социальной диагностике, к изучению инновационного развития как сложного и комплексного феномена, в котором молодежь объективно выполняет ведущую роль в контексте социально-активного возраста и освоения новых технологий.

Методология и материалы исследования. Если исходить из того, что анализ конструирования образовательных стратегий российской молодежи является ключевой темой, методологический выбор обуславливается обращением к аналитическому и прогностическому потенциалу неклассической социологии, социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [2], деятельностно-активистской парадигме П. Бурдье [3], теории социальной саморегуляции, основанной на идеях Р. Линтона и Д. Рисмана [4].

Излагая положения, выдвинутые в данных теориях для оценки возможностей исследования конструирования образовательных стратегий российской молодежи, оправданным считаем, во-первых,

разделять образовательные стратегии и конструирование образовательных стратегий, так как образовательные стратегии достаточно разработаны в исследовательском контексте на основе структурно-функциональной и структурно-деятельностной парадигмы, что находит подтверждение и в трудах зарубежных социологов (Т. Парсонс [5]) и отечественных, принадлежащих к школе Д.Л. Константиновского [6; 7]. Классическая социологическая мысль включена в исследовательский формат российских социологов Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова [8; 9].

В то же время обнаруживается недостаточность актуализации отмеченных методов в обращении к конструированию образовательных стратегий российской молодежи. Как отмечали М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, в сфере образования в силу сложившихся социальных условий доминируют объективные факторы – то, что характеризуется как объективация общественных отношений [10]. Субъективное измерение «отодвинуто» на второй план, российской молодежи приходится действовать в рамках сложившихся в образовательной системе структурных ограничений (социальная и социально-территориальная дифференциация, образовательная инфраструктура, государственная образовательная политика). Во-вторых, образование является институтом «вторичной» социализации, способом социальной реализации и самореализации молодежи в современном обществе с той существенной поправкой, что общество позднего модерна (У. Бек [11]), общество социальной неопределенности (З. Бауман [12]), общество риска (О.Н. Яницкий [13]) определяет поворот исследовательской мысли к анализу субъективного измерения в контексте индивидуализированности, поиска, рискованности, случайности. Другими словами, сужаются возможности включения только рациональных

поведенческих факторов молодежи в конструировании стратегий.

Возникает вопрос о том, в какой степени образовательные стратегии российской молодежи основываются на видении будущего, иначе говоря, как повседневные практики влияют на конструирование образовательных стратегий по сравнению с тем, что является желаемым в образовательной активности молодежи. Вероятно, целесообразным представляется выбор деятельностно-активистской парадигмы, разработанной французским социологом П. Бурдьё в контексте анализа социальных групп, социального капитала, социальных стратегий [3]. Есть опасения, что теория П. Бурдьё, показавшая презентативность в социологическом понимании процессов образования в Европе, не получит позитивной тональности для определения образовательных стратегий российской молодежи. Речь идет не только об особенностях развития образовательной сферы российского общества, но и о том, что российская молодежь как группа социального воспроизводства не реализует свою социальную функцию полностью, и в какой мере это связано с обстоятельствами и целями конструирования образовательных стратегий, чтобы ориентироваться на сценарий будущего, требуется выяснить.

Результаты исследования. Российские авторы, работающие в сфере социологии образования, признают, что изменения, прошедшие за истекший период, ставят по-новому актуальные вопросы развития образовательной системы. И в этом контексте, не будучи нигилистами в отношении роли образования в российском обществе, мы можем сказать, что формируется ориентация на признание субъектно-объектной модели образования, поскольку студенты являются не просто реципиентами образовательных услуг, а определяют свой образовательный выбор, исходя из субъективных шансов, из оценки жизненных

перспектив и реализации целей, связанных с образованием [14; 15].

Данное положение было сформулировано исследовательским коллективом профессора Д.Л. Константиновского на основании двадцатилетних социологических эмпирико-верификационных процедур, начатых еще в конце 80-х годов XX века [6]. Если вспомнить социально-политическую ситуацию в отмеченный период, целый комплекс факторов оказал воздействие на социальное поведение молодежи в сфере образования. С одной стороны, наблюдалась перестройка «структуры» образования, определяемая логикой децентрализации и автономии образовательных учреждений, передачи их на региональный и местный уровни. С другой – политика снижения государственной поддержки имела последствием тенденцию выживания учебных заведений, замедления их перепрофилирования с целью предоставления будущим абитуриентам возможности для получения перспективных профессий.

Иными словами, начался процесс деобъективации образовательной системы, ее перехода к формированию и распространению образовательных стратегий молодежи как способа социальной активности в сфере образования в период структурных и деятельно-мотивационных перемен. Важно понять, что Д.Л. Константиновский определил усложнение положения молодежи и их семей через выживаемость, что выразилось в сознательном сужении выбора профиля и места образования, когда на первый план выступали не когнитивные и профессиональные интересы молодежи, а доступность и экономия в рамках получения образования [6].

Такой поворот привел к тому, что в российском образовательном пространстве возникла масса «скоропелок», школ, вузов и колледжей, которые были ориентированы на выдачу диплома желающим «по

сходной цене». Все это имело место на фоне упрощения позиций молодежи по отношению к образованию, актуализации чисто прагматических и адаптивных процедур. Стремление молодых людей в таком контексте ограничивалось получением диплома как инструмента социальной номинации, возможности занимать искомые рабочие места, часто не по профессиональному профилю. Говорить много об образовательных стратегиях молодежи не приходилось, так как реально, если исходить из конкретных социологических исследований, фактор социальной дифференциации практически «отменял» возможности для формирования образовательной стратегии как самостоятельного выбора молодежи. В ситуации адаптации и выживания большинство молодых людей, не обладая достаточным социальным, культурным и семейным капиталом и одновременно рассматривая перспективу повышения социального статуса (по сравнению с родительским), прогнозировали деятельность в сфере образования как исключительно подчиненную «выдаче диплома».

Возможно, описанная ситуация может представляться утрированной и излишне «мрачной», но в ее пользу говорит то, что, несмотря на декларирование высоких целей, большинство молодых россиян в образовательном выборе основывались на жизненной прагматике, на том, что можно, по определению логики социального конструирования, называть воздействием повседневных практик, что является алгоритмами в жизни конкретного молодого человека и можно отнести к эффекту групповой солидарности, к принятию опыта группы, с которой идентифицируется молодой человек. В условиях избыточности социальных неравенств приходилось решать дилемму: неравенство в сфере образования является следствием актуализации социальных фильтров, отсеивающих нежелательных

абитуриентов, или снижением уровня мотивации к образованию в низших и средних слоях общества? Чтобы говорить об этом с достаточным основанием, российские социологи отмечали, что уже в 1970-е гг. наметилась тенденция отсева учащихся: полтора-два миллиона детей и подростков не работали и не учились. Можно сослаться на то, что речь идет о социально неадаптированных семьях, о молодежи с ориентацией на социальную маргинализацию, то есть отклонение образования как неактуального для будущей жизни и выстраивание девиантной и социальной карьеры.

Однако за истекший период не произошло масштабных перемен, связанных с тем, что общество вступило на путь устойчивого социального развития, в массовом сознании утвердился новый социальный порядок, а население адаптировалось к рыночным реалиям; как результат, произошел рост доходов и повысилось качество жизни. Действительно, российское общество прошло путь от периода социальной и политической анархии к формированию целостного политико-правового и культурно-образовательного пространства, что создало условия для формирования стабильных образовательных стандартов, механизмов регуляции и саморегуляции институтов образования и (очень важный момент!) принятия молодежью образования как способа профессиональной социализации, прогнозируемой жизненной карьеры. Иными словами, возникла востребованность в образовательных стратегиях как способе поведения в сфере образования в зависимости от выбора профессионального профиля образовательной компетентности, культурных горизонтов личности.

Образовательные стратегии российской молодежи можно разделить на: достиженческие, адаптивные, эскапистские. Основанием для такой классификации являются долголетние исследования М.К. Горшкова и

Ф.Э. Шереги, которые позволили сделать вывод об актуальности высокой доли профессионально не определившихся молодых людей (19,5%), что затрудняет активизацию студентами когнитивных и социально-ориентационных схем в образовательной стратегии, накопления знаний с целью перевода в социальный и экономический капитал и, таким образом, повышения уровня индивидуальной ресурсоспособности [10].

В контексте создания условий для актуализации позитивных факторов развития системы образования важным становится процесс переориентации подавляющей части молодежи на реалистичные образовательные стратегии, основанные на паритете объективных возможностей и субъективных шансов. Советский образовательный опыт, как отметили в своих исследованиях Д.Л. Константиновский и его коллеги, показал недостижимость абсолютного равенства в сфере образования, так как в действия вступают не только рациональные факторы, но и то, что может восприниматься как иррациональное, а в современном социологическом дискурсе – социокультурные различия [6]. На образовательные стратегии молодежи действуют этнические, конфессиональные, семейные традиции, а также перспективы трудоустройства и жизненной карьеры в контексте социально-экономической ситуации, локального рынка труда.

В нынешних условиях важно, что молодежь стоит на перепутье: инженерное образование не воспринимается удовлетворяющим по критерию надежности и современности, гуманитарное – является паллиативом, количество делающих выбор в его пользу отражает в определенной степени профессиональную неопределенность молодежи, а также недостаточный образовательный уровень в сфере точных и фундаментальных наук, что связано с кризисными тенденциями в системе общего образования, кадровым

дефицитом, последствием ошибочных решений по внедрению новых образовательных стандартов. Это в совокупности приводит к тому, что выбор образовательной стратегии молодежи часто испытывает влияние парадоксальности: стремление молодых людей получить перспективную профессию с заделом на будущее является недостаточным в контексте низкого уровня образовательного капитала. Отмечая, что в образовательных стратегиях молодежи доминирует прагматический поворот, стоит сказать, что в распределении молодежи после окончания дневной средней школы произошли кардинальные перемены. Если на рубеже советской и пореформенной эпох более двух пятых выпускников школы были вынуждены сразу выходить на рынок труда, не получая никакой профессиональной подготовки, к 2000 г. лишь 17,9% выпускников начинали свою трудовую биографию после школы [16].

Такие перемены связаны, во-первых, с изменениями на рынке труда, формированием новых профессиональных вакансий, расширением возможностей, предоставляемых высшим образованием для перемены профессии. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что в настоящее время диплом о высшем образовании не гарантирует устойчивой жизненной траектории, является билетом на поезд в неизвестном направлении, но одновременно и «пропуском» на трудоустройство, занятие если не престижного, то постоянного рабочего места. В условиях, когда начальное профессиональное образование реально сократилось, а на высшее образование выпала фактически функция подготовки высших специальностей, половина выпускников инженерных вузов заняты на рабочих специальностях.

С одной стороны, это показывает очевидное несоответствие между планами выпуска инженеров для реальной экономики, с другой – последствия образовательных

стратегий молодежи, которая в процессе образования ориентируется на получение практического знания как результата «второй» работы (как правило, каждый третий студент дневного обучения занят не только «приработками», но и работает часто вне договорных отношений в сферах, далеких или не совпадающих с избранным профессиональным профилем). В результате возникла парадоксальная ситуация, когда при избытке «новых инженеров» выявляется дефицит инженерных кадров в сфере технического и технологического конструирования и проектирования. Неслучайно так высок профессиональный баланс выпускников лицеев, колледжей и вузов в сфере «индустриальной экономики», что, конечно, связано с фактором технологизации, освобождающей рабочие места, и с тем, что прагматические смыслы в образовательных стратегиях молодежи, делающих выбор в пользу доступности и экономии образования, определяют следствием отсутствия сценарного мышления при формировании образовательной профессии, фактор будущего или не учитывается в образовательном выборе и реальной образовательной деятельности, или принимает «неадекватный» смысл, основан на факторах «везения» близких, «неформальных связей», миграции за рубеж.

Обнадеживающей является пока еще слабо проявляемая тенденция роста сторонников конструирования образовательных стратегий с принятием «системного предвидения» собственных образовательных способностей, когнитивной компетентности, перспектив будущего

трудоустройства, возможностей профессиональной карьеры, социальной самореализации на основе пропорциональности доходов и профессионального интереса. Важным моментом является возвращение системы образования к практической подготовке на основе сохранения «хорошего» теоретического уровня, что конструирует образовательные стратегии молодежи. Это подтверждается результатами социологических исследований с актуализацией фактора личностного планирования профессиональной карьеры, использованием возможностей профессиональной подготовки и получения второй или даже третьей профессии, особенно если действует принцип взаимодополняемости (экономист-юрист, инженер-проектировщик). Несомненно, образовательные стратегии российской молодежи содержат задел на будущее при условии высокой мобилизованности на освоение новых технологий, занятия исследовательской деятельностью и развитие форм приобщения молодежи к социальному творчеству на основе роста интеллектуального и культурного капиталов. Но есть необходимость осмысления образовательных стратегий российской молодежи как поведенческих типов в сфере образования, определяемых сценарным мышлением, то есть способностью молодых россиян формировать образ будущего на основе устойчивой и предсказуемой профессиональной карьеры и возможностей переквалификации, освоения новых технологий и открытости новым образовательным инновациям в качестве активного участника этого процесса.

Примечания:

1. Великая Н.М., Шушпанова И.С. Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2021. Т. 14, № 2. С. 29-40.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Москва: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
3. Бурдые П. Социология политики. Москва: Socio-Logos, 1993. 336 с.

4. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. Москва: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. Москва: Академический проект, 2018. 434 с.
6. Константиновский Д.Л. Образование и его роль в воспроизводстве и трансформации социальной структуры // Российская молодежь в динамике десятилетий. Статистические материалы и результаты исследований: монография / Д.Л. Константиновский, Г.А. Чередниченко [и др.] Москва: ИС РАН, 2017. 190 с.
7. Константиновский Д.Л. Неравенство в российском образовании: XX - начало XXI вв. // Образование и социальная дифференциация: кол. монография / отв. ред. М. Карной, И.Д. Фрумин, Н.Н. Кармаева. Москва: Издат. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 203-225.
8. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Москва: Наука, 2001. 229 с.
9. Зубок Ю., Чупров В. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Москва: Academia, 2008. 266 с.
10. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
11. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
12. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Москва: Весь мир, 2004. 185 с.
13. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5-15.
14. Загороднюк Е.В., Иваненко Н.С. Функциональная неграмотность: акторы высшего образования, риски образовательной и профессиональной некомпетентности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2021. Т. 14, № 4. С. 36-44.
15. Рачипа А.В., Латышева А.Т., Самыгин С.И. Институализация цифрового образования высшей школы: социологический анализ проблем социализации молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2021. Т. 14, № 3. С. 52-60.
16. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования: монография / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская [и др.]. Москва: ЦСП и М, 2015. 232 с.

References:

1. Velikaya N.M., Shushpanova I.S. Russian youth about the prospects and images of future socio-political development // Bulletin of the South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). 2021. Vol. 14. No. 2. P. 29-40.
2. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. M.: Moscow philos. fund, 1995. 322 pp.
3. Bourdieu P. Sociology of politics. M.: Socio-Logos, 1993. 336 pp.
4. Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept. 2nd extended ed. M.: TsSPiM, 2013. 376 pp.
5. Parsons T. The structure of social action. M.: Academic project, 2018. 434 pp.
6. Konstantinovskiy D.L. Education and its role in the reproduction and transformation of social structure // Russian youth in the dynamics of decades. Statistical materials and research results: monograph / D.L. Konstantinovskiy, G.A. Cherednichenko, etc. M.: IS RAS, 2017. 190 pp.
7. Konstantinovskiy D.L. Inequality in Russian education: 20th – early 21st centuries // Education and social differentiation: collective monograph / executive ed. by M. Karnoy, I.D. Frumin, N.N. Karmaeva. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. P. 203-225.

8. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Williams K. Youth in a risk society. M.: Nauka, 2001. 229 pp.
9. Zubok Yu., Chuprov V. Social regulation in conditions of uncertainty. M.: Academia, 2008. 266 pp.
10. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia in the mirror of sociology. On the results of many years of research: monograph. M.: FNISTs RAN, 2020. 688 pp.
11. Beck U. Risk Society. Towards a new modernity. M.: Progress-Tradition, 2000. 381 pp.
12. Bauman Z. Globalization. The human consequences. M.: Ves Mir, 2004. 185 pp.
13. Yanitsky O.N. Russia as a risk society: methodology of analysis and contours of the concept // Social sciences and modernity. 2004. No. 2. P. 5-15.
14. Zagorodnyuk E.V., Ivanenko N.S. Functional illiteracy: factors of higher education, risks of educational and professional incompetence // Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). 2021. Vol. 14. No. 4. P. 36-44.
15. Rachipa A.V., Latysheva A.T., Samygin S.I. Institutionalization of digital education in higher education: a sociological analysis of the problems of socialization of youth // Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). 2021. Vol. 14. No. 3. P. 52-60.
16. New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research: monograph / D.L. Konstantinovskiy, M.A. Abramova, E.D. Voznesenskaya, etc. M.: TsSP i M, 2015. 232 pp.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021; одобрена после рецензирования 28.07.2021; принята к публикации 11.08.2021.

The authors declare no conflicts of interests.

The paper was submitted 22.07.2021; approved after reviewing 28.07.2021; accepted for publication 11.08.2021.

© К.В. Воденко, Е.В. Сусименко, Е.Е. Некрасов, 2021